

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S032120680006803-7

## Два сценария американско-европейских отношений

**А.А. Синдеев**

*Институт Европы РАН.*

*Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11-3в*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5016-7931> e-mail: [a\\_sin74@mail.ru](mailto:a_sin74@mail.ru)

*Статья поступила в редакцию 12.07.2019 г.*

---

**Резюме:** В статье рассмотрены приоритеты Соединённых Штатов и стран Европейского Союза, определено, что может объединять обе части западной цивилизации и что способно вызвать противоречия. Новизна состоит в выделении «метода Трампа», в выдвижении ряда гипотез, проверка которых способна, на взгляд автора, углубить политологическое осмысление действительности. Изучение возможных сценариев американско-европейских отношений позволило поставить две теоретические проблемы: необходимость единых подходов к научному прогнозированию современных международных отношений и важность появления (с учётом последующей иерархизации) унифицированного понимания факторов. Многоплановость статьи и сложность анализируемых проблем придаёт ей дискуссионный характер.

**Ключевые слова:** США, Евросоюз, прогнозирование, доминирующие факторы, европейская безопасность.

**Для цитирования:** Синдеев А.А. Два сценария американско-европейских отношений. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019;49(10): 25-39.

DOI: 10.31857/S032120680006803-7

---

## Two Scenarios of US-European Relations

**Alexei A. Sindeev**

*Institute of Europe Russian Academy of Sciences,*

*11-3v, Mohovaya Str., Moscow, 125993, Moscow, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5016-7931> e-mail: [a\\_sin74@mail.ru](mailto:a_sin74@mail.ru)

*Received 12.07.2019.*

---

**Abstract:** The author analyzes political priorities of the U.S. and the European Union and presents two possible scenarios for future U.S.-European cooperation. He emphasizes what the two parts of Western civilization can unite. He is also interested in what can cause disputes and conflicts between the allies. In the scientific sense, the fixation of the so-called Trump method is new. The Trump method is the strategic reorientation of the American model, enforced by the Trump team. There are some new hypotheses that can be used to deepen the political analysis of reality. The author describes two theoretical problems. The first problem is the need for a unified approach to scientific forecasting. The second problem is the importance of the unified

interpretation of factors and their hierarchy. This article is only about relations between the U.S. and the EU.

**Keywords:** USA, EU, forecasting, dominant factors, European security.

**For citation:** Sindeev A.A. Two Scenarios of U.S.-European Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019; 49(10): 25-39. DOI: 10.31857/S032120680006803-7

## ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ О СУТИ И ТРУДНОСТЯХ НАУЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В условиях трансформации международных отношений самостоятельность отдельных стран и акторов значительно возросла. Этот противоречивый, на первый взгляд, тезис легко доказывается указанием на то, что великие державы в настоящее время больше заняты позиционной борьбой друг с другом, настройкой собственных проектов миропорядка и необходимых для них государственных моделей, предоставляя малым и средним странам, не задействованным в интеграционных образованиях, шанс использовать сложившуюся ситуацию с пользой для себя [Синдеев, 2019: 51-67]. Подобное положение затрудняет выполнение одной из, наверное, самых неблагодарных задач аналитика – составление научных прогнозов\*. Имеет смысл заметить, что данный вид прогнозирования преследует по крайней мере три задачи, две из которых лишь частично связаны с будущим и его сценариями. Однако именно их присутствие способно, с моей точки зрения, оправдать занятие прогнозами.

Первая задача – выделение доминирующих факторов, влияющих на текущую ситуацию, без которых понимание современности будет носить лишь фрагментарный характер, напоминать информационный выпуск новостей с углублённым разбором отдельных сюжетов. Предъявление факторов и их иерархизация организуют переход на иной аналитический уровень, стимулируют дискуссию и предполагают, наряду с авторским объяснением причин их выделения и ранжирования, появление альтернативных исследовательских подходов, концепций, вариантов осмысления действительности. От этого интеллектуального соревнования выигрывают потенциальные заказчики, располагающие собственной информацией, подчас из закрытых источников.

Реализация второй задачи заставляет сместить акцент со среды к её основным участникам, что в свою очередь обуславливает объяснение значения и среды, её вызовов и процессов, поскольку совершенно оправданно может прозвучать замечание по поводу преимущественного влияния акторов на среду. Не вступая в дискуссию, выходящую за рамки предмета статьи, обращаю внимание лишь на то, что стабильность поведения акторов в целом возможна лишь в отно-

---

\* Ср.: о среднесрочном и долгосрочном прогнозировании вывод И.Н. Тимофеева в разделе «Парад планет» в международных отношениях и сценарии динамики мирового порядка»: «Проблема в том, что в международных отношениях мы имеем дело с нелинейной и подвижной средой. Обстановка здесь меняется быстро, обнуляя вчерашние и даже сегодняшние реалии. Парадоксальным образом, долгосрочный прогноз международной среды подчас может оказаться более простой задачей. Имея дело с большими трендами, проще отсеять многочисленные случайности и флуктуации, получить более "чистую картину"» [Глобальный прогноз РСМД, 2019: 6].

сительно устойчивой среде. Когда же среда реформируется, что и происходит в современном мире, то большую значимость приобретают факторы, или некие первопричины процессов, влияющие на последующее состояние системы в целом, так как от них во многом зависят направление дальнейшего развития, конечное состояние системы, её сильные и слабые, перспективные и застойные черты.

Факторы сначала создаются в системе, а затем изменяют её. С учётом того, что последняя способна реагировать лишь на однородное, понятие «внешние факторы» является, по сути, алогичным. Внешний характер воздействия возможен по отношению к отдельному элементу, но для всей системы он теряет регулирующее значение. Неслучайно после успешных трансформаций «старые» факторы перестают играть прежнюю роль. Кстати, на основе факторов и их иерархичности можно дать характеристику системы, описать возможные последствия осуществлённого воздействия. Факторальный эклектизм – это скорее вторичный феномен, поскольку системность и иерархичность всё равно будут сохраняться. Вероятно, поэтому фактор иногда определяют как «группирующий признак».

Третья (не самая важная) задача – это составление индивидуальных сценариев. В случае их коллективного написания общая картина подчас размывается. В связи с этим ценность имеют всё же индивидуальные исследовательские подходы и видение.

Таким образом, основная трудность научного прогнозирования – это выделение и описание факторов среды, фиксация настроения акторов, их представлений о среде. Дополнительную трудность в аналитической работе создаёт стремление к самостоятельности малых и средних стран, так как велико искушение под видом научной новизны гиперболизировать их потенциальные успехи.

## ЧТО ХОТЯТ США?

Соединённые Штаты остаются расколотой страной. Понимание этого факта должно было бы заставить автора при ответе на вынесенный в заголовок вопрос отказаться от попытки выделить генеральную линию. Однако после анализа материалов оказалось, что такой линией может считаться стратегия президента Д. Трампа.

Новое время, утверждает нынешний американский президент, предполагает не соревнование программ партий, а создание общей программы для всех американцев, гарантирующей «жизненный стандарт XXI века» и стимулирующей кооперацию (в интерпретации Д. Трампа – «новую эру кооперации» [1]), компромисс и заботу об общем благе. Д. Трамп и его советники предлагают провести ревизию американской модели гибкого государства, чтобы приспособить её к вызовам XXI века, к усиленному экономическому развитию\*.

---

\* «Хотя Соединённые Штаты Америки в настоящее время всё ещё находятся в отдельной лиге (с экономической и, возможно, даже военной точки зрения), – полагает П. Кеннеди, – им придётся выдержать два важных испытания на жизнеспособность, которые ожидают любую крупную державу, занимающую первое место на мировой арене: достичь приемлемого баланса между военно-

В этом контексте, по всей видимости, следует понимать призывы президента действовать разумно, не идти на диктат мирового сообщества, если Америка имеет иные задачи, а предполагаемый результат угрожает причинить вред национальной идентичности, государству, главными функциями которого остаются защита территории, безопасность и создание благоприятных условий для жизни. Поэтому, согласно логике Д. Трампа, «большие нации не ведут бесконечных войн»\*\*.

Америка, замечает президент, в состоянии пока самостоятельно устанавливать стандарты в мире, которые, как и после окончания Второй мировой войны, будут обеспечивать доминирование американской модели. Впрочем, без внутривластного единства крайне затруднительно, по его мнению, работать в направлении очередного варианта проамериканского мира. Неслучайно Д. Трамп упрекает не Китай, воспользовавшийся слабостью и ошибками США в торговой политике, а национальные элиты, позволившие китайцам действовать так, как они хотели.

Исходя из изложенного, суть «метода Трампа» состоит в ситуативном разделении ради последующего объединения\*. Степень достигнутого разделения обуславливает эффективность будущего национального сплочения, потому что критики и политические противники будут вынуждены либо представлять обществу альтернативные концепции, либо брать вину за неудавшиеся проекты Д. Трампа на себя. В любом случае Америка, идя по этому пути и применяя этот метод, укрепит внутреннее единство. Ведь альтернативой сплочению становится разрушение нации, предположить наступление которого едва ли решится хотя бы один аналитик. Следовательно, со временем трамповские эскапады останутся только любопытной частью истории США. Большее значение приобретет его метод, а не политические мероприятия и тиражируемая в СМИ неспособность наладить работу правительственного аппарата. Спорить о том, осознаёт ли команда президента последствия метода, не имеет смысла, поскольку тот уже существует и действует. Таким образом, текущий внутривластный раскол в США не является потенциально опасным.

Более опасно внешнеполитическое разделение, также ставшее следствием поиска Америкой своей роли в новом столетии. Известно, что Д. Трамп активно занят разрушением международной системы, и без того находящейся в длительной несогласованной трансформации. Желание президента под видом

---

стратегическими требованиями безопасности и имеющимися средствами для выполнения взятых на себя обязательств и удержать технологическую и экономическую базу своего влияния от относительной эрозии из-за постоянно меняющихся моделей мирового производства» [Кеннеди, 2018: 752].

\*\* Ставка, по всей видимости, делается на быстрые операции, наносящие максимальный вред потенциальному противнику, что может существенно снизить порог применения оружия массового поражения.

\* Некоторые европейские дипломаты не придают слишком большого значения этому методу. Иначе в докладных записках бывшего британского посла в США не появилось бы о Д. Трампе: «Для человека, который занял самый высокий пост планеты, президент Трамп излучает неуверенность» [2]. Упускается из виду, что неуверенность в текущем отнюдь не означает проигрыша в стратегии.

борьбы за справедливость действовать в двусторонних форматах ослабляет немногочисленные мультилатералистские институты. Главным результатом подобного давления может стать дополнительная хаотичность, которая из-за процессов, происходящих внутри США, будет восприниматься командой Д. Трампа и его сторонниками как естественное состояние усиления настройки американской модели. В связи с тем, что внутриполитический консенсус пока в Америке отсутствует, период внешнеполитической хаотичности – самый, пожалуй, вероятный сценарий ближайшего будущего.

При этом особенность теперешнего мира заключается в невозможности существования универсального проамериканского стандарта. Следовательно, разделение во внешней политике способно стать реальностью и на более длительный период. Открытыми остаются лишь вопросы о конечном составе и степени влияния западного лагеря.

Любопытно, что занятие Америкой собой почему-то интерпретируется как слабость и упадок западной цивилизации. Ситуация, с моей точки зрения, противоположная. Сильная Америка может позволить себе период разделения; остальной мир, к сожалению, – нет. Возвращаясь к подзаголовку, приходится констатировать: США хотят продлить в новое время и в новых условиях благоприятные для них черты прошлого «американского века».

## ЧТО ХОЧЕТ ЕС?

В отличие от США поставленный вопрос остаётся для Евросоюза пока риторическим, так как даже в самых крупных странах-участницах отсутствуют не только межпартийные консенсусы, направленные на разрешение наиболее важных проблем, но не наблюдается добровольного движения к их формированию и не ожидается появления собственных методов\*. «Метод Трампа» Евросоюз, естественно, не сможет применять.

Кроме того, во многих государствах происходит эволюция партийно-политических систем, сопровождаемая внутриполитическими конфликтами, хотя региональная специфика, национальное самолюбие, прецеденты с задержкой согласования важнейших решений и противоречивыми компромиссами на наднациональном уровне должны настораживать ответственных лиц и заставлять их активно содействовать межпартийному взаимодействию. Ведь если оно не будет вырабатываться раньше, чем в Соединённых Штатах, то Европейский Союз рискует оказаться на периферии.

Общая ситуация крайне нестабильна. Миграционные потоки 2015–2016 гг., угроза прихода новых беженцев, их слабая интеграция на территории отдельных стран, разочарование в элитах, неуверенность в государственной защите

---

\* Робкую попытку начать межпартийное сотрудничество в сфере экологии предприняла председатель ХДС А. Крамп-Карренбауэр. Правда, она заговорила о «национальном консенсусе». Кроме либералов никто согласия участвовать в «национальном консенсусе» пока не изъявил [3].

усиливают страх местного населения, подпитывают умеренные и радикальные националистические настроения.

Несколько парадоксально можно заметить, что актуальный выбор ЕС – это пока бегство от выбора. Наиболее ярким примером является как ни странно природоохранная проблематика, ставшая столь популярной благодаря молодежному протесту, поддержанному элитами, поскольку борьба за охрану окружающей среды – это и попытка сохранить мультилатералистские организации и подходы, получить при общественном содействии хоть какую-то альтернативу США, так как без совместных усилий мирового сообщества добиться результата не получится.

При внимательном анализе довольно слабо выглядит аргументация о региональной оппозиции в Америке президенту Д. Трампу в вопросе экологии, на которую якобы европейцы смогут опереться. «Метод Трампа» предусматривает появление новой концепции американского благополучия в мире, перед которой любой оппозиционности придётся капитулировать. Впрочем, не стоит удивляться, что европейские страны демонстрируют аналитическую слабость. Та же команда Э. Макрона почему-то недооценила социальный протест во Франции, где традиционно высока активность населения.

Странам Евросоюза, пусть и не в таком радикальном варианте, предусмотренном «методом Трампа», всё равно придётся искать приемлемые варианты сплочения, собственную форму разделения по-иному – многоуровневной интеграции или углубленного сотрудничества, то есть продвигаться в конкретных проектах ограниченной группой. «Пакетная сделка» по основным кандидатурам на посты председателей Еврокомиссии, Европейского совета и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности доказала, что такое интеграционное ядро в том или ином виде уже оформилось, а дифференцированный состав участников вскоре может стать реальностью\*. Интересно другое: премьер-министр Венгрии В. Орбан, пойдя на компромисс с Э. Макроном в отношении блокады кандидатуры М. Вебера, тем самым легитимировал многоскоростную интеграцию\*\*.

Содержание будущей концепции развития ЕС тесно связано с проблемой лидерства. Теоретически допустимы три варианта: 1) лидерство одной из стран. Наибольшие шансы имел Э. Макрон, но его действия во время «пакетной сделки» и внутривнутриполитические трудности не позволят Франции претендовать на роль

---

\* Все кандидаты (У. фон Ляйен, Ш. Мишель, Ж. Боррель) представляли Западную Европу, «старые» государства – члены ЕС. Европейский Центральный банк возглавила француженка К. Лагард.

\*\* О «сотрудничестве» Э. Макрона и В. Орбана см. подробнее [4]. М. Вебер, номинированный до майских выборов Европейской народной партией в качестве основного кандидата (*Spitzenkandidat*) на пост председателя Еврокомиссии, прокомментировал произошедшее следующим образом: «Были закулисные переговоры и ночные заседания, на которых своего добила ось Макрон – Орбан...». М. Вебер признался, что понимал предстоявшие сложности, но «не ожидал», что «Макрон и... Орбан просто не примут во внимание результат выборов».

единоличного лидера; 2) франко-германский тандем\*\*\*; 3) иной тандем с участием французов или расширенная группа. По всей видимости, только солидество во втором и в третьем вариантах позволит Евросоюзу преодолеть период застоя.

Необходимо сделать одно любопытное, на мой взгляд, уточнение применительно к заключённому в январе 2019 г. Францией и Германией Ахенскому договору: «Благодаря [ему] доминировать должны отнюдь не правительственные структуры. Логика разработчиков понятна и оправдана: прогресс способны обеспечить граждане двух стран, "проживаемые ими общности", которые они будут ценить и за которые будут готовы бороться. В случае успеха "ахенская формула" может сыграть важную роль в эволюции европейской демократии... подобное возвращение новых структур, организаций и укрепление соответствующих акторов потребует значительного времени» [Рубинский, Синдеев, 2019: 22–23]. Независимо от скорости реализации, Ахенский договор поощряет становление европейской демократии в варианте XXI века.

В несколько необычной форме подготовка межпартийного взаимодействия стимулируется различными позициями внутри фракции социал-демократов в Европарламенте, одна часть которой выступала против кандидатуры министра обороны ФРГ У. фон дер Ляйен на пост председателя Еврокомиссии, другая – посчитала возможным проголосовать за представителя Христианско-демократического союза Германии.

Странам ЕС, по большому счёту, предстоит либо идти в фарватере Америки, либо разрабатывать собственные подходы в надежде позднее привлечь к ним США. Но и здесь без разделения не обойтись, потому что Евросоюз не (за)хочет терять свою долю лидерства.

## ПРОБЛЕМА ДОМИНИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Следуя логике детерминизма пространства, Д. Дайамонд определяет в качестве традиционных доминирующих факторов развития «географическое положение, природные ресурсы, климат, способствующий развитию болезней, и другие характеристики природной среды», с чем не согласен Ф. Фукуяма [Фукуяма, 2012: 427]. Его не слишком устраивает и вывод о приоритете культуры, подверженной в сравнении с пространством ещё большей эволюции. В связи с этим Ф. Фукуяма сужает феномен культуры до концепта «политическая культура», полагая его «более полезным при объяснении результатов развития» [Фукуяма, 2012: 428], а для раскрытия причин отставания, чем он собственно и занимается, рассматривает, правда, со значительным скепсисом, фактор внешнего

---

\*\*\* Неслучайно «новый президент, – написал в 2017 г. Ю.И. Рубинский, – предлагает германским партнёрам по тандему – такую программу сотрудничества, в которой издержки для каждой из сторон выглядели бы более сбалансированными, чем при его предшественнике. Речь идёт о согласовании в рамках еврозоны бюджетной, налоговой политики, порядке погашения долгов, финансирования инвестиций в информатику, инфраструктуру, образование для ускорения темпов экономического роста». Цит. по: [Рубинский, 2018: 324]. Сорбоннскую речь Э. Макрона см. [5].

влияния [Фукуяма, 2012: 429]. В итоге Ф. Фукуяма приходит к одновременно полезному и опасному для нас выводу, «что в поисках важнейших причин разрыва в уровнях развития... нужно обратиться к теме политики и институтов», рассмотрев «политические стратегии... имущественные права, верховенство закона и политические институты, предназначенные для смягчения конфликтов и стимулирования коллективных действий», а также социальную структуру [Фукуяма, 2012: 432].

Польза состоит в том, что последствия вторичных социальных факторов ставятся не только выше природных, что в общем-то бесспорно, но и выше первичных социальных, показывая тем самым, что факторы также трансформируются. Опасность же заключается в том, чтобы не поддаться авторитету автора концепции «конца истории» и избежать преувеличения роли институционального детерминизма, поскольку институты и связанные с ними феномены являют собой исключительно механизмы поддержания определённого пространства и могут при необходимости (видо)изменяться. Каждому пространству свойственны конкретные институты. При этом основными критериями лидерства становятся авторство – а значит и лучшее понимание – прогрессивных институтов (механизмов) и их последующее добровольное (полное или частичное) заимствование другими.

Применительно к странам Запада, думается, не вызывает сомнения, что благодаря историческому авторству многих институтов (механизмов) их элиты способны, если воскресят стратегическое мышление, управлять трансформациями и общественными процессами, адаптируя прежние институты к новым вызовам, контролируя их эволюцию. Демократическая кризисоустойчивость Запада внешне находит выражение в многочисленных преувеличиваемых конфликтах и противоречиях, взвешенный анализ которых требует временных затрат, что в силу различных причин не всегда могут позволить себе некоторые аналитики, необоснованно выхватывая из сложного контекста те или иные события.

В этом смысле авторы «Глобальных тенденций 2030» хотят реализовать свойственный современному западному интеллектуализму подход, выделяя мегатенденции («расширение прав и возможностей человека», «распределение влияния», «демографические модели») и «факторы, меняющие правила игры» («кризисный фон глобальной экономики», «угрозы управления», «потенциал нарастания конфликта», «расширение границ региональной нестабильности», «влияние новых технологий» и «роль США») [Глобальные тенденции 2030, 2012: 7]. Однако их мегатенденции и факторы странным образом должны действовать в совершенно неиерархизированном универсальном наборе, разрушая границы между общим и частным, абстрактным и конкретным, утверждая громоздкость и аксиоматичность, к примеру, под «распределением влияния» предлагается понимать следующий тезис: «Не останется державы-гегемона. Власть перейдёт к сетям и коалициям многополярного мира». Известно, что в XX – начале XXI века никогда не было единственной «державы-гегемона». Что касается «сетей и коалиций», то эту гипотезу предстоит ещё долго и аргументирова-

но доказывать. В то же время фактор управления в варианте способности «правительства и государственных[х] институт[ов] достаточно быстро адаптироваться к изменениям существующей системы» способен объединить остальные факторы, которые становятся его следствиями.

В «Глобальных трансформациях» наблюдается возврат к компромиссу между первичными и вторичными факторами, называемыми авторами из-за стоящей перед ними задачи изучить международные взаимосвязи «показателями», поэтому они и относят к ним «политико-правовые показатели» («количество и типы договоров и соглашений, налагающих на государство определённые обязательства»), «военные показатели» («величин[у] затрат на оборону и содержание персонала, необходимы[е] для выполнения союзнических обязательств; торговл[ю] оружием и... иностранн[ое] проникновени[е] во внутреннее производство оружия; степен[ь] зависимости от зарубежных военно-командных и коммуникационных систем»), «экономические показатели», «социально-культурные показатели», «экологические показатели» [Хелд и др., 2004: 539–540].

Таким образом, в ситуации факторального разногласия, затрудняющего появление общих направлений прогнозирования, автор статьи пока может ограничить себя выделением одного объективного фактора – стремления государств Запада сохранить лидерство. Тем более лидерство лежит в основе западной модели и её управленческих институтов. Впрочем, это не освобождает его впоследствии от теоретической и практической работы как над иерархическим представлением факторов, характеризующих взаимоотношения стран западной цивилизации, так и над разделением факторов на сохраняющие и развивающие пространство.

## СЦЕНАРИЙ 1: СОВМЕСТНОЕ ЛИДЕРСТВО

Совместное лидерство станет возможным в случае выполнения пяти условий. *Во-первых*, Соединённые Штаты и Евросоюз согласуют минимальный стандарт отношений, письменно подтвердят то, что считают для себя незыблемым, представят результат мировой общественности, чтобы избежать любых попыток раскола и игры против участников обновлённого союза. Очевидно, что такой союз не может строиться исключительно на военно-политическом сотрудничестве. Он должен предусматривать определённые формы интеграции, общие направления промышленной политики, экономического взаимодействия, текущую и стратегическую повестку дня, а также обеспечивать постоянное сотрудничество элит и гражданских обществ. Для всех участников должно быть понятно, что категорически недопустимо в отношениях друг с другом.

*Во-вторых*, Соединённые Штаты и Европейский Союз разработают бюджеты тех проектов, которые должны быть реализованы в ближайшие пять-десять лет. При этом речь не идёт о наднациональной интеграции с общими парламентскими и межправительственными комиссиями и органами. Более реалистичным стало бы появление обширной сети действующих проектов с самостоятельными институтами, необходимыми для успешного функционирования каждого из

них. Установка «не создавать общих институтов и органов» должна стать определяющей. Тогда велик шанс, что кроме стран ЕС к некоторым проектам захотят присоединиться и другие участники.

*В-третьих*, партнёры заранее договорятся об антикризисном менеджменте. Последний должен касаться не столько военных вопросов, сколько социально-экономических трудностей, поскольку любые совместные проекты в одночасье могут потерять былую привлекательность, если возобладают автономность и сепаратизм. Наоборот: единство в сложных ситуациях укрепляет ценность партнёрства. Для этого нужны институты и механизмы решения спорных вопросов и возможность не допускать конфликты. Кстати, антикризисный менеджмент должен распространяться и на трансатлантические проекты бизнеса.

*В-четвёртых*, межпартийное взаимодействие станет реальностью, будет признано равенство американских и европейских элементов западной цивилизации. *В-пятых*, по образцу франко-германского сотрудничества, средства которого прописаны в Елисейском и Ахенском договорах, улучшится американско-европейское сотрудничество в гуманитарной сфере.

Совместное лидерство гарантирует сосуществование двух моделей Запада, а значит вдвое повышает привлекательность западной модели и делает мир более прозападным. Основная трудность работы над первым сценарием заключается в преодолении страха перед инициативой и в переходе к стратегическому мышлению. Стратегические подходы относительно легко могут быть выработаны в ходе дискуссий о первом сценарии.

Практически любая инициатива приведёт к дополнительным финансовым расходам, а это в текущей ситуации ни США, ни Европейский Союз пока не хотят обсуждать. Однако предыстория американско-европейского сотрудничества и имеющаяся в распоряжении союзников инфраструктура способны оказать дополнительное влияние на сторонников первого сценария.

С учётом того, что не будет образовано единое правительство, совместность означает разделение зон ответственности, выделение пространств свободы для партнёров.

## СЦЕНАРИЙ 2: ЛИДЕР ТОЛЬКО ОДИН

Нет необходимости пояснять, что таким лидером будут Соединённые Штаты, а их поведение будет характеризоваться провокационностью, потому что иного быстрого способа обеспечить единство союзников в настоящее время не имеется. При этом следует понимать, что Америка готовится к войне. Не очень ясно, с каким противником или с какими противниками. Так американцы планируют построить в Германии самый большой военный госпиталь за пределами страны: с 5 тыс. помещений, 40 отделениями, 9 операционными залами. Строительство в 900 млн долл. оплатят США, а подготовку проекта (151 млн долл.) – немецкие налогоплательщики. Если война не входит в планы американцев, то подобный гигантизм не слишком уместен. В данном контексте нажим на членов НАТО в вопросе обязательных двухпроцентных отчислений в военные бюджеты предстаёт в ином свете.

«Северный поток-2», «Хуавей», выход из «иранской сделки» и Договора о РСМД, конфликт в Венесуэле – это среди прочего и средства сплочения Запада путём шантажа и игры на обострение. Сюда же следует отнести просьбу правительству ФРГ предоставить войска для наземных операций в Сирии\*. Кстати, «президента» Х. Гуайдо, по словам вице-президента М. Пенса, признали 52 страны, в том числе 30 европейских государств [8]. Следовательно, шантаж и обострение работают, а значит отказываться от них американцы не станут.

Для реализации второго сценария практически ничего не нужно предпринимать. Он может осуществляться параллельно с происходящими в Америке внутриполитическими процессами и независимо от усилий ЕС наладить интенсивный диалог с Китаем. Европейским союзникам и партнёрам будет достаточно оставить американско-европейское направление развиваться в характерном вялотекущем темпе, а американской стороне напоминать о сделанном ранее для «европейской безопасности», непрестанно просить о разгрузке, подчёркивать важность усилий для защиты «нашей безопасности», говорить о мобилизации Запада, ставить вопрос о наличии «у Запада вол[и] выжить» [9], критиковать восприятие в некоторых странах Америки и несоюзническое поведение. Евросоюзу придётся отказывать или соглашаться на компромисс. Парадокс, однако, состоит в том, что в любом случае в выигрыше окажутся Соединённые Штаты, поскольку их лидерство не будет подвергаться сомнению.

Благодаря второму сценарию формируется единый Запад с вынужденной сплочённостью, сила единства в котором напрямую зависит от степени раскола в мире и уровня конфронтации. Привлекательность подобной модели западной цивилизации – сложный дискуссионный вопрос, но в конфронтационной среде выбора не слишком много, а угрозы потерять стабильность, привычное благосостояние и вложения слишком велики, поэтому малым и средним странам придётся тяготеть к сильному полюсу. Длительный период нестабильности закрепит политические связи и хозяйственные цепочки, затруднит или сделает убыточным их последующее изменение.

Мультилатерализм равноправных игроков в этом сценарии означает ещё одну опасность, с которой американцам предстоит усиленно бороться. Тем самым европейские проекты «альянсов мультилатералистов»\* будут обречены на неудачу. ЕС

---

\* 5 июля 2019 г. спецпредставитель госсекретаря США по Сирии Д. Джеффри посетил Берлин, а затем дал интервью информационному агентству DPA и газете «Вельт ам Зоннтаг». «Мы хотим от Германии, – сказал он, – наземные войска, чтобы частично заменить наших солдат» [6]. Американцы, по его словам, рассчитывали на специалистов по военной логистике, инструкторов и технический персонал. Провокационный характер просьбы объясняется тем, что ранее состоялось последнее заседание бундестага перед летними каникулами, поэтому немцы не могли дать ответа до конца июля, на чём настаивала американская сторона. Бундесвер – это «парламентская армия», без одобрения бундестага решение о направлении солдат в Германии не принимается. Впрочем, французы и британцы согласились помочь США [7].

\* Х. Маас, министр иностранных дел ФРГ, выступает за создание «альянса для защиты мультилатерализма», или «сет[и] партнёров, которые... делают ставку на обязательные правила и справедливую конкуренцию», и, судя по его заявлениям, активно занят формированием подобного альянса [10].

сможет претендовать на временную ситуативную фронду, позиционную борьбу за свободу, границы которой будут также зависеть от толерантности США.

Единственным средством хоть как-то сбалансировать американо-европейские отношения станут новые институты и организации, в обмен за создание которых европейцам придётся идти на уступки. Более того, продолжительность текущего состояния заставит страны ЕС выбирать: уступать Соединённым Штатам при заключении будущего торгового соглашения или жертвовать отношениями с американцами. Во втором сценарии ситуация сбалансированного процветания в мире, к сожалению, также слишком далека от реальности.

## ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

«Геополитически центр тяжести международной системы смещается в направлении Восток/Азия. Именно в этом ареале находятся самые мощные и энергично развивающиеся новые центры влияния. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. Вместе с тем именно здесь существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение)», – можно прочесть в популярном учебнике МГИМО(У), опубликованном в 2012 г. [Современные международные отношения, 2012: 53]. Его авторы считают, что «[г]лавная интрига в формирующейся международной системе будет развёртываться в отношениях по линии "развитый мир *versus* развивающийся мир" (или, в несколько иной интерпретации, "центр *versus* периферия")». Содержание предложенных выше формулировок наверняка сохраняет свою актуальность и в 2019 г. Однако больший научный интерес, с точки зрения автора статьи, представляет изучение потенциальных возможностей традиционных «центров тяжести», их стратегий сдерживания конкурентов, наращивания и трансформации инструментария влияния. Поскольку центры/Центры принятия политических решений, финансовой и экономической мощи всё ещё располагаются на Западе, применительно к которому важно, отказавшись от аксиоматичного повторения тезиса об уменьшении роли, по каким-то причинам активно распространяемого элитами многих стран ЕС, зафиксировать тенденции и лежащие в их основе факторы, способные повлиять на последующие события, на развитие мира в ином (не в восточном) направлении; и в этом случае сделать ставку на дополнительную разработку тех сценариев, которые устроили бы Россию, если подобный ход событий станет реальностью, что, естественно, нельзя исключать, поскольку рост экономической мощи некоторых стран Востока – следствие, в первую очередь, включения их в торговые отношения и хозяйственные цепочки Запада. Ведь до сих пор, несмотря на то что тезис о падении западного влияния и значения уже длительное время находится в научном обороте, не ясно, как будет действовать Запад в условиях, когда сиюминутная выгода станет угрожать ему будущим крахом и периферийностью. В исследовательском дискурсе навязывается установка, что экономи-

зированный рациональный подход не имеет никакой альтернативы, хотя история человечества многократно доказывала, что это отнюдь не так.

Конечно, хотелось бы оптимистично описать появление многополярного мира, в котором страны-лидеры смогут динамично и мирно развиваться, а человечество ждёт период процветания и стабильности, но в той же Европе, пережившей множество страшных военных конфликтов, и сегодня не сформирована система безопасности, а три взаимосвязанных процесса (установление баланса, разделение и вытеснение нежелательных акторов) продолжают активно функционировать. Да и достижение длительного баланса чрезвычайно затруднительно, если речь идёт об истинном равноправии и о максимально приемлемом учёте национальных интересов.

В связи с этим следует действовать на опережение, понимать, что рассуждения о крахе Запада – скорее утопия, поскольку история выживания западной цивилизации, её нежелание терять лидерство и те ресурсы, которыми она располагает, всё равно заставят искать новые прогрессивные решения. Крайне сомнительно, что шпенглеровская схема цивилизационного развития вообще способна действовать в условиях индустриального и информационного обществ. Начиная с промышленной революции лидерство и аутсайдерство – относительно стабильные феномены. И успех Китая не является исключением. китайский успех стал возможным благодаря демографическому фактору, низкому уровню благосостояния населения и использованию преимуществ либеральной западной модели в торговле. Если (видо)изменить последнюю, что вроде бы и должно произойти, поскольку имеет место «кризис либерализма», то Китай столкнётся с большими проблемами, чем Запад.

Мир может пойти по пути разделения. И тогда схема «центр *versus* периферия» вполне может предстать в иных конфигурациях: «центры *versus* центры», «периферии одних центров *versus* периферий других центров», и, наконец – «центры *versus* периферии». Крупные интеграционные образования – и они не могут этого не понимать – ограничены в своих действиях. Следовательно, их элита обречена на поиск быстрого ответа на вызовы.

Можно исходить и из того, что полностью не будет реализован ни один из описанных сценариев американско-европейских отношений, но даже в смешанном варианте угроза разделения мира не исчезает. Прощание с лидерством никогда не бывает простым\*. Впрочем, это в равной мере относится и к рождению новых лидеров.

---

\* Д. Фридман предостерегающе написал о европейцах: им «придётся выбирать между войной и миром, и так же, как иногда в прошлом, они время от времени будут выбирать войну. Ничего не закончилось. Для человечества ничто, более или менее значимое, не заканчивается никогда» [Фридман, 2016: 398].

## ИСТОЧНИКИ

[1] President Donald J. Trump's State of the Union Address. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/> (accessed 27.06.2019).

[2] Britain's Ambassador to Washington has described Donald Trump as 'inept', 'insecure' and 'incompetent' in a series of explosive memos to Downing Street. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7220335/Britains-man-says-Trump-inept-Cables-ambassador-say-dysfunctional.html> (accessed 10.07.2019).

[3] Parteiübergreifende Pläne FDP ist bereit für AKKs «Klimakonsens». Available at: <https://www.n-tv.de/politik/FDP-ist-bereit-fuer-AKKs-Klimakonsens-article21131434.html> (accessed 05.07.2019).

[4] Wahl des EU-Kommissionspräsidenten Manfred Weber rechnet mit Macron ab. Available at: <https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.wahl-des-eu-kommissionspraesidenten-manfred-weber-rechnet-mit-macron-ab.85431ca5-f7bc-4c07-ad5c-843fdf063bbb.html> (accessed 07.07.2019).

[5] Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (accessed 08.07. 2019).

[6] Welt am Sonntag. 2019. 7. Juli.

[7] Bodentruppen für Syrien Paris und London schicken Soldaten. Available at: <https://www.n-tv.de/politik/Paris-und-London-schicken-Soldaten-article21135411.html> (accessed 10.07. 2019).

[8] Remarks by Vice President Pence at the 2019 Munich Security Conference, Munich, Germany. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-2019-munich-security-conference-munich-germany/> (accessed 18.06. 2019).

[9] Remarks by President Trump to the People of Poland. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-people-poland/> (accessed 02.07. 2019).

[10] Handelsblatt. 2018. 22. August.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры (*Global Trends 2030: Alternative Worlds*), 2012. NIC 2012-001, Декабрь, 137 с.

Глобальный прогноз РСМД, 2019-2024, 2019. М.: НП РСМД, 268 с.

Кеннеди П., 2018, Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 848 с.

Рубинский Ю.И., 2018, Приметы времени. Т. 3: Франция на новых рубежах. М.: ИЕ РАН, 384 с.

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А., 2019. От Елисейского к Ахенскому договору. *Современная Европа*. № 2. С. 18-26.

Синдеев А.А. 2019. Дифференцированное сотрудничество: современные американско-швейцарские отношения. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3, С. 51-67.

*Современные международные отношения*, 2012 / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 688 с.

Фридман Д., 2016, «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 400 с.

Фукуяма Ф., 2012, *Отставание*. М., Астрель, 477 с.

Хелд Д., Гольдблатт Д., МакГрю Э., Перратон Д., 2004, *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. М.: Праксис, 576 с.

## REFERENCES

*Global'nye tendentsii 2030: Al'ternativnye miry* [Global Trends 2030: Alternative Worlds], 2012. NIC 2012-001, Dekabr', 137 p.

*Global'nyi prognoz RSMD, 2019-2024* [RIAC global forecast, 2019-2024], 2019. М.: NP RSMD, 268 p.

Kennedy P., 2018, *Vzlety i padeniya velikikh derzhav: ehkonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g.* [The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and military conflict from 1500 to 2000]. Ekaterinburg: Gonzo, 848 p.

Rubinskii Yu.I., 2018, *Primety vremeni. T. 3: Frantsiya na novykh rubezhakh* [Sign of time. Vol. 3: France on new frontiers]. М.: IE RAN, 384 p.

Rubinskii Yu.I., Sindeev A.A., 2019. *Modern Europe*. No 2. P. 18-26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220195362>.

Sindeev A.A. Differentiated cooperation: modern US-Swiss relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 3. P. 51-67. DOI: 10.31857/S032120680004155-4.

*Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary international relations], 2012 / Ed. by A.V. Torkunova, A.V. Mal'gina. М.: Aspekt Press, 688 p.

Friedman G., 2016, «Goryachie» tochki. Geopolitika, krizis i budushchee mira [Flash-points: the emerging crisis in Europe]. SPb.: Piter, 400 p.

Fukuyama F., 2012, *Ostavanie* [Falling Behind]. М., Astrel', 477 p.

Held D., Goldblatt D., MacGrew A., Perraton J. *Global'nye transformatsii: Politika, ehkonomika, kul'tura* [Global transformations: Politics, economy, culture], 2004. М.: Praksis, 576 p.

## Информация об авторе /Information about the Author

**Синдеев Алексей Александрович**, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11-3в

**Alexei A. Sindeev**, Doc. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3в, Mohovaya Str., Moscow, 125993, Russia